

Собственно говоря, для американца Бандурки это далеко не первый приезд в Россию. В составе туристических групп он приезжал в нашу страну уже десять раз, однако эта поездка оказалась особенной и памятной по многим причинам. Виктор Федорович, член Объединения кадет Российских кадетских корпусов в Нью-Йорке, и его супруга Элизабет Мари (а по-русски Мария Алексеевна) получили официальное приглашение от Санкт-Петербургского Союза суворовцев, нахимовцев и кадет на II Общекадетский съезд, который проходил в Гарнизонном доме офицеров на Литейном проспекте с 10 по 14 сентября.

Здесь, в Петербурге, его уже ждали казаки, которые упорно собирают «своих», разбросанных после гражданской войны по всему земному шару, в этакый всемирный «казачий круг». Ведь Виктор Федорович Бандурка является председателем Совета Старейшин казаков Америки и Канады. Добавим, что скоро ему исполнится 79 лет. Личная история этого человека – история многих эмигрантов и их детей, оказавшихся после большевистского переворота за границей.

Федор Бандурка, отец Виктора Федоровича, примкнул к казакам только в конце восемнадцатого года. До этого он учился в Военно-медицинской академии, а чтобы закончить ее, не хватало одного года. В октябре 1918-го он, сбежав из революционного Петербурга, на крыше поезда отправился с Николаевского вокзала на юг, где примкнул к казачьим частям Первого кубанского полка под командованием полковника Саламахи, дивизионным командиром которого был генерал Шкуро.

Эти части прикрывали отступление корниловских, алексеевских белых войск, которые на пароходах покинули Россию, а казаков, как рассказывает Виктор Федорович, бросили. После чего казаки раздобыли где-то баржу, погрузились и тоже отчалили, а оставленные ими на берегу кони прыгнули в воду и поплыли за баржей. По словам Виктора Федоровича, сотни три казаков не смогли вынести этого зрелища и, спрыгнув с баржи, вплавь вернулись к своим коням и к берегу России, где их ждали красные и ещё в воде добивали выстрелами.

Федор Иванович Бандурка добрался вместе с казаками до Сербии и осел там на долгие годы, женившись на девушке из королевского сербского рода Обреновичей – бабушка его жены была сестрой матери короля Сербии Александра. «Пришел к нам какой-то русский в военной форме, — рассказывала своему сыну мать-сербка. — И мы полюбили друг друга с первого взгляда». Привел в дом этого русского ее брат, который заведовал в то время Красным Крестом. В эмиграции казачий офицер Ф.И. Бандурка хватил немало лиха, но были в его жизни и очень интересные эпизоды, к примеру, одно время он служил придворным доктором эфиопской принцессы.

Долго не решался Федор Бандурка побывать на родине, но когда политическая обстановка в России изменилась, он вместе с сыном, а было это уже в 1978 году, приехал в свой любимый Петербург – в ту пору еще Ленинград. Он очень хотел показать младшему Бандурке места, с которыми была связана его молодость. 22 июня они постучали в дверь Института физиологии имени академика И.П.Павлова. «Дверь открыл привратник, - вспоминает В.Ф. Бандурка, - я ему сказал, что мой отец учился здесь. Через десять минут вышел полковник-декан и пригласил: «Двери для вас открыты». Мы были в институте два часа, папа хотел увидеть лабораторию, в которых учился, прикоснуться к восьмиугольному столу в аудитории. В кабинете Павлова мы сфотографировались – этот снимок до сих пор в моем кабинете». Памятной была и встреча с сотрудниками института, на которой Ф.И. Бандурка рассказывал о времени своей учебы в Петербурге. Он вспоминал, как ездил домой к больному И. Павлову сдавать зачет, и как педагог рекомендовал своим студентам больше ходить пешком, а не ездить на трамвае.

Рассказы отца о Петербурге бережно хранит сын, который на удивление хорошо помнит все детали, имена, названия улиц города – он охотно поделился этими воспоминаниями с нами. Видимо, отец очень часто рассказывал своим детям, родив-

Рассматривая на карте маршрут своего будущего путешествия, Виктор Федорович Бандурка был очень удивлен: разве мог он подумать, что давнее знакомство с Андреем Всеволожским получит спустя десятилетия неожиданное продолжение во встрече с родиной его предков? Невольно задумаешься о предначертанности судьбы этого человека, подготовившей и еще одно, явно не случайное, совпадение, связанное с нашими местами, - отец Виктора Федоровича учился у академика Ивана Павлова и не раз приезжал в Колтуши. Значит, всеволожская земля оказалась для Бандурки тем местом, где его биографические корни переплелись с историческими корнями России, замкнув, таким образом, большой круг «кровообращения»: ведь в нем, как и в его жене, в его детях и внуках, течет русская кровь.

Истории, рассказанные американским казаком Виктором Бандуркой

шимся в Югославии, о России, о нашей Северной столице и о своей трудной молодости, выпавшей на годы исторического перелома.

Сына своего он воспитывал по казачьим обычаям. В шесть лет мальчика отправили на обучение в другой город, где он познакомился с Александрой Аркадьевной Боголюбовой, выпускницей Смольного института, прекрасно говорившей на многих языках. Она давала ему уроки немецкого. По решению отца Виктор Федорович окончил Казачий кадетский корпус в Сербии, где учился вместе с сыном генерала Кутепова, внуком композитора Римского-Корсакова, сидел за одной партой с правнуком Льва Толстого. Он получил образование в лучших традициях офицерского воспитания Российской империи. Высшее дала ему другая страна – причиной тому стала вторая мировая война, разом переменявшая жизнь тысяч людей.

В 1943 году всей семьей они оказались в фашистском концлагере Маутхаузен, где погиб советский генерал Карбышев. Виктор Федорович не мог скрыть волнения, когда рассказывал о пережитом: «Охранниками были в основном западные украинцы и прибалты — они были хуже немцев. В лагере существовала градация: советских военнопленных ставили бригадами, на поляков и евреев как на людей не смотрели — их часто заставляли носить вокруг лагеря огромные камни, просто так, чтобы помучить. Американские пилоты целыми днями играли в футбол. Кормили раз в день гороховым супом. В лагере проводились опыты над детьми. Был в концлагере

оркестр: на скрипках играли в основном евреи, а пели испанцы. Вспоминаются очень страшные моменты: оркестр играл в том же помещении, где находились газовые печи — там под музыку сжигали людей. Однажды старик-еврей упал в яму туалета, я попытался его вытащить, но немецкий охранник со всей силы ударил меня по лицу плеткой, выбив все зубы с правой стороны. Рука от боли разжалась...». Спустя несколько месяцев 17 семей отправили в Зальцбург, на военный завод, в их числе оказалась и семья Федора Бандурки. В 1952 году они переехали из Германии в Америку.

С первых дней пребывания в Соединенных Штатах В.Ф. Бандурка включился в казачью жизнь и в работу в штабе Кубанского казачьего войска за рубежом. Был первым секретарем музея, в котором хранились казачьи регалии, вывезенные из России во время гражданской войны. Восемь лет он был адъютантом атамана Кубанского казачьего войска за рубежом. Каждый год проводились сборы с участием казаков разных станиц, которые берегли казачью устою и жили по давно введенным законам. Был и прекрасный хор донских казаков Сергея Жарова, который много гастролировал. Менеджер хора В.Ф. Бандурка и сам пел в нем. Выступление хора он впервые услышал в Зальцбурге, где жил в лагере для перемещенных лиц, второй раз - в Карнеги-Холле в Нью-Йорке в 1957 году. Хор создавался в самые тяжелые годы эмиграции в военном лагере «Чилингир» под Константинополем в Турции в 1921 году, где казаки умирали от истощения и болезней, но умирая, они молились и пели.

По приказу начальника дивизии собрали лучших певцов всех полковых хоров в один хор, который должен был своим участием в богослужениях содействовать поднятию угнетённого духа войск. И когда 19 декабря 1921 года хор донских казаков под управлением Сергея Жарова пропел свой первый молебен на празднике Святого Николая Чудотворца, жизнь казаков-изгнанников стала немного легче. По разрешению болгарского царя Бориса хористы прибыли в Софию, где пели в соборе Святого князя Александра Невского. Ставший в последствии легендарным, хор Сергея Жарова объехал весь мир, выступал на самых знаменитых концертных площадках, пел перед королями, императорами и президентами, и неизменно пользовался огромным и заслуженным успехом.

Виктор Федорович очень много сделал для знакомства Америки с русской церковной музыкой: пять раз привозил из России в Америку и Канаду прекрасный хор «Акафист», провел с ним шестьдесят концертов, выпустил шесть дисков. Помог организовать выступления белорусского хора из города Бреста в США.

Обладатель сильного прекрасного голоса, он многие годы был певчим в церковных хорах. С сожалением говорил Виктор Федорович Благодичному Всеволожской епархии отцу Роману Гуцу, что церковное пение в Америке умирает, и вспоминал годы его расцвета и истинного интереса общественности к этому виду церковного искусства. Вся его жизнь проходила в лоне Православной церкви, Виктор Федорович был лично знаком со многими священнослужителями, внесшими свой вклад в развитие русской духовности за рубежом.

Здесь, у Храма Спаса Нерукотворного Образа, вблизи памятного места, где когда-то было имение Всеволожских, Виктор Федорович рассказал удивительную историю, которую я постараюсь воспроизвести дословно ввиду ее особой значимости для нас:

«Про Всеволожских я знал давно. Мне известно, какой след оставили они в отечественной истории. Я был знаком с Андреем Всеволожским, который в 60-х годах каждый год приезжал из Мюнхена в Нью-Йорк, и моя мама сдавала ему комнату. Он был блондином высокого роста. Когда я называл его князь или граф, он говорил: «Нет, мы – бояре».

Самое интересное заключалось для меня в том, что он был лучшим другом Альберта Шпеера – любимого архитектора Гитлера. В 30-х годах Андрей Всеволожский учился вместе с ним в архитектурном институте в Германии. Как-то Всеволожский силой затянул Альберта Шпеера в пивную, сказав, что там выступает интересный человек – Адольф Гитлер. Зажигательная речь будущего фюрера произвела на Шпеера такое неизгладимое впечатление, что он сразу встал под его знамена. Шпеер построил дом для возлюбленной Гитлера Гелли, которая была его двоюродной сестрой, по какой-то причине она вскоре покончила с собой. Рейхсканцлер боготворил своего архитектора, которому поручил создать амбициозный архитектурный проект будущей столицы Германии, а в годы войны назна-

чил его рейхсминистром вооружений и боеприпасов. Андрей Всеволожский работал вместе со Шпеером, но так как он был русский, его имя, конечно, нигде не фигурировало. Когда началась война с Польшей, Шпеер поручил Всеволожскому демонтаж железных дорог и заводов в оккупированной стране. После окончания войны американцы арестовали Шпеера. Нюрнбергский суд дал ему 10 лет, а Всеволожский успел уехать и оказался в Мюнхене, откуда каждый год приезжал к нам в Нью-Йорк.

Андрей был очень приятным человеком. Он очень нравился моей маме, она восхищалась: «Вот это мужчина!» У него были голубые-голубые глаза, немного кучерявые волосы, нос с горбинкой, аристократические манеры. Каждый год он приезжал на три-четыре месяца, поскольку от этой работы зависела его пенсия. Он был старше меня лет на десять. Я тогда только недавно женился, жил отдельно, и моя мама сдавала ему мою комнату на самом верху. Я часто разговаривал с Андреем Всеволожским».

Виктор Федорович, конечно же, хорошо знал русскую эмигрантскую среду в Америке, постоянно общался с выходцами из России и в жены взял русскую девушку, родившуюся в Соединенных Штатах. Познакомились они, как вспоминает Мария Алексеевна, на катке в городском парке Нью-Йорка: «Он упал, а я его подняла», - такая поддержка слабой девушкой не очень опытного конькобежца определила исход встречи. Через полтора года они поженились. Американка по рождению, но русская по крови, Мария Алексеевна всегда хотела побывать на родине своих родителей. Ее мама Ольга Трофимовна родилась в Херсоне, а отец — Алексей Алексеевич Коновалов — из Читы. В один из своих приездов в Россию супруги Бандурка нашли в Чите дом, который построил дед Марии Алексеевны. Удалось ей найти и своих тетушек, которые жили в Кисловодске. Таким образом были восстановлены утерянные когда-то родственные связи.

Супруга Виктора Федоровича, учитель математики и английского языка по образованию, стала хорошей хозяйкой и прекрасной матерью троих детей — двух дочерей и сына. Сейчас семья прибавилась шестью внуками и внуками. Некоторые из них носят родовую фамилию Бандурка. Возможно, их будущее определит эта необычно звучащая славянская фамилия. Здесь вспоминается интересный эпизод, рассказанный нашим гостем: его отец Федор Иванович, живший на Выборгской стороне, однажды оказался на митинге в толпе молодых людей, к которым подошел Ленин. «Как ваша фамилия? — спросил вождь мирового пролетариата у одного юноши. — Бандурка. — Вы украинец? — Нет, русский». Вот такие интересные предания хранятся в этой американской семье, где домашний язык — русский, религия — православие, а устои — казачьи. Откровенность, с которой Виктор Федорович рассказывал о себе, во многом объясняется отношением к нему наших казаков, окруживших чету Бандурку вниманием и почетом.

Для них подготовили интересную программу, познакомили с памятными местами, показали много интересного. После возвращения супругов домой, по электронной почте пришло из Америки письмо от казачьего атамана: «Здорово живем, братья казаки. Я только что говорил по телефону с полковником Бандурка В.Ф. Он очень доволен вашим теплом, братским, казачьим приемом. Мы, казаки Америки, благодарим вас за все доброе, наше казачье, что вы сделали. Мы будем рады видеть вас и достойно принять у нас в США. Передайте наилучшие пожелания вашим казакам. Ангела за спиной, братья казаки. Казак Америки. Атаман».

Да, пришло то время, когда эмигранты начинают возвращаться на Родину, только среди них осталось уже совсем мало тех, кто в страшные послевоенные годы вынужден был покинуть Россию. Зато приезжают их дети, мечтающие ступить на благодатную землю своих родителей и предков, духовная связь с которой живет в каждом русском, независимо от места его проживания.

Нина ДУБЕНКО
На снимке автора —
В.Ф. Бандурка с супругой.